

О происхождении Руси и о «варяжском вопросе»

Статья основана на анализе источников. Автор высказывает свои соображения по периоду начальной истории Руси. Обсуждаются вопросы о призвании Рюрика, о первой столице Руси и о сложении (древне)русской государственности.

Лев Агни

Происхождение слова «Русь»

Русь и первые русы. Начать стоит с самого названия Руси, вокруг которого ломается много словесных копий. Прежде всего следует обозначить словесные конструкторы, которые претерпевали некоторые изменения (формооснова «рус» или «рос»), меняя со временем смысл. Первоначально слово «рус» или «рос» означало социальную категорию людей или занятие — пиратство, мореходство или военно-торговую деятельность. Как совершенно справедливо заметил Л.С. Клейн: «речь идет о чисто лингвистическом происхождении имени, о термине, о слове»^[1]. Наиболее аргументированная версия происхождения слова «русь» – от древнеисландского Róðsmenn или Róðskarlar, что означает «гребцы, мореходы». Форма «русь» фиксируется в качестве самоназвания страны и квазиэтноса, но смягчение на конце слова напоминает финно-балтоязычное «сумь», «водь», «емь», «весь», что говорит о более раннем знакомстве с варягами обитателей восточного берега Балтики, нежели славян, последние и позаимствовали слово в форме «русь».

Под русами/норманами в средние века понимали разные «этнические» группы скандинавов, русь – общее собирательное название для этих воинственных людей. Кто пришел к восточным славянам – неизвестно. Однако лингвисты говорят о наличии «восточношведского диалекта» в «Русской Правде», который подвергся славянизации. Иными словами, в основе своей книжный язык первых русов – славянский, но некоторые слова и фонетико-грамматические особенности говорят о скандинавском влиянии. Возможно, первые русы на территории Восточной Европы не происходили с территории современной Швеции, а были выходцами из иной области Скандинавии. Некоторые следы в происхождении названия порогов Днепра, указанные в труде Константина Багрянородного «Об управлении империей», могут свидетельствовать в пользу «норвежского диалекта». Разные группировки скандинавов оседали на территории Восточной Европы, и, видимо, их интересы сталкивались между собой (например, захват Владимиром Крестителем Полоцка у варяга Рогволода, как о том повествует Повесть временных лет). Одна группировка русов вытесняла другие группировки. В конечном итоге победила та группировка скандинавов, которая пришла с территории современной Швеции, из её среды и происходил родоначальник будущей династии Рюриковичей. Надо заметить, что носители шведского языка появились сначала на севере будущей Руси и лишь затем проникли на юг.

Сторонние жители Восточной Европы, по всей видимости, не очень интересовались тем, кто именно на них напал, если пришельцы имели, например, некие общие признаки – опознавательные знаки вроде лодок-драккаров или каких-то иных внешних атрибутов^[2]. Аналогами обозначения социальной категории людей могут служить «альмогавары», «казаки», «бродники» и «выгонцы». Всех их характеризует некое общее географическое происхождение или род деятельности. Отсюда проистекает трудность в происхождении каждого конкретного слова, трудность в локализации соответствующих групп людей в пространстве, например, казаков-черкесов. Если названия альмогаваров и прочих групп исчезли, то понятие «казак» обрастало со временем новыми значениями.

Происхождение названия страны Русь/Россия. Термин «Росия» (с одной «с») впервые в письменной форме фиксируется в раннее упомянутом труде Константина Багрянородного в середине X века и относится к области среднего течения Днепра^[3]. Уже с X—XI вв. известна латинская огласовка Руси в форме «Russi» и/или «Russia»^[4], а позже на Руси распространяется латинизированная греческая форма «Россия» в качестве самоназвания^[5]. Термины «Малая» и «Великая» Россия — греческие церковные канцеляризмы. Термин «Малая Русь» к понятию изначальной родины русов отношения не имеет^[6].

В исторической науке принято говорить о Руси как в узком, так и в широком значении этого слова[7]. В узком значении под Русью в летописях в разные периоды подразумеваются разные территории, но неизменно фигурирует одна страна Русь – владение Рюриковичей. Древнерусский язык – прежде всего, это книжный язык, в народе говорили на славянских диалектах, но, по замечаниям лингвистов (см. соответствующие работы А.А. Зализняка), расхождения между диалектами были такими минимальными, что люди из разных концов страны вполне могли понимать друг друга[8].

О варягах и Рюрике

Некоторые соображения вокруг пресловутой дискуссии «норманизм-антинорманизм». Дело в том, что многие историки, особенно представители национальных школ, мыслят историю современными национальными категориями. Отсюда возникают мифы о национальной истории, проникающие в массовое сознание и массовую культуру, преломляясь самым непостижимым образом. Но мир древности и средневековья гораздо сложнее и многограннее национальных шаблонов, поэтому вписывать историю страны в национальное прокрустово ложе не исторично, не научно и не целесообразно.

Вопрос этнической принадлежности Рюрика не принципиален. Допустим, он славянин. Что это меняет? Государства он не создал (об этом речь пойдет ниже), историчность данного лица многими оспаривается. Но, самое главное, как игнорировать письменные источники? В «Русской правде» русин и словенин различаются между собой. И греки, и арабы в письменных источниках четко проводят грань между русами и славянами. Нужно отдавать себе отчет в том, что на русской равнине люди жили очень небогато, в сложных географических условиях, ни у скандинавов, ни у поморских славян не было государства. Такого понятия как «русский народ» в нашем современном понимании при Рюрике (и после него долгое время) не было. Так стоит ли спор стольких потраченных усилий патриотически настроенных антинорманистов с выдуманными врагами и апологетами несостоятельности славян? Хотя, возможно, в какой-то степени, нападки антинорманистов необходимы, чтобы проверять прочность существующих научных тезисов с своей аргументацией о «призвании варягов» о происхождении и значении слова «русь». Кстати, византийцы именовали росов *дромитами* — тех, кто быстро перемещался, находился в бегах. Фактически мы снова приходим к социальной или некоей условной категории людей.

...гораздо интереснее заниматься разработкой других вопросов...

Возьмем, к примеру, сообщение Константина Багрянородного о *полюдь*, которое часто разбирается в историографии: Святослав, сын Игоря, сидел в Немогарде[9]. Большинство исследователей сходятся на локализации указанного топонима в Новгороде (будто это Новоград или Хольмгард), но в труде базилевса говорится о сплавляемых моносилах по Днепру, а Новгород, как известно, севернее, лодки из Новгорода невозможно сплавлять из Новгорода, да и самого Новгорода к середине X века, когда написано руководство по управлению империей, *не существовало*. Можно строить много версий. Но возникает такой вопрос. Если пунктом княжения выбран Новгород, почему не Ладога? Почему Ладога зачастую остается в стороне от владений первых достоверно известных русских киевских князей? Богатый торговый и важный (в X веке) город не упомянут. В самой русской летописной традиции (за исключением времен призвания Рюрика), Ладога не фигурирует в качестве важного политического или символического центра, в отличие от Новгорода и Киева. Не случайно ли это? Ладога, богатый город, не оказывается в качестве удела у сыновей киевских князей – ни при Игоре и Святославе, ни при Владимире.

Другой вопрос — появление княжеского института. По письменным древнерусским и некоторым археологическим источникам создается впечатление о чужеродности княжеского элемента на Руси, о его медленном внедрении и принятии на территории складывающейся державы Рюриковичей. И княжеский титул на Руси применительно к Новгородской истории перекликается с выборностью конунгов в Скандинавии. Видимо, для скандинавов и для славян общей основой послужило слово «*kuņingaz*». Данное обстоятельство хорошо прослеживается по новгородским историческим материалам, где рядом со словами «посадник», «тысяцкий», соседствует «князь», наемный командир со своей дружиной. В остальных частях Руси князь подобным «вставным элементом» не является.

Говоря о дружине как о военно-служилой корпорации, высшем слое политически разрозненного образования, которым традиционно считают Киевскую Русь, нельзя обойти вниманием количество упоминаемых князей и послов в русско-византийских договорах. В них фигурируют люди со скандинавскими именами, и договоры прописываются практически под русов[10], и снова мы видим привилегированную касту людей, оторванную от основной части населения. Впрочем, чужеродность и некую социально-политическую «верхушечность» можно объяснить крайне малым числом самих русов, отсюда их быстрая славянизация; обычно они пребывали в Киеве и практически не имели тесных контактов с местным населением, кроме выезда для сбора дани в полюдь и каких-то судебных полномочий. Как можно предположить, во время полюдья контакт происходил только с местной элитой, отношения выстраивались на какой-то добровольно-принудительной союзнической основе. Притом, если князья переходили какую-то недопустимую грань, то с ними могли физически расправляться (как с Игорем, хотя известия о его смерти внушают известную долю скепсиса). Приглашенная сила всегда могла оказаться в роли хозяев, и таковых примеров в истории масса. Нет ничего удивительного в том, что русы выступали

отдельно, торговые договоры прописывались под немногих русов, славяне выступали не в качестве управляемых и угнетенных, а в качестве зависимого населения по той причине, что русы держались в стране в основном на военной силе.

Таким образом, можно историю начала Руси разделить на две части – легендарную и более достоверную, историческую. Последняя начинается с Игоря и Ольги, впрочем, и тут трудно отделить вымыслы от реальных событий (скажем, сказание о войне Ольги с древлянами), но, по крайней мере, их историчность устанавливается. Для легендарной части можно отметить вероятную общую канву: ощущается сильное военное скандинавское присутствие в некоторых частях будущей Руси, что не отменяет скандинаво-славянского симбиоза. Пример археологического комплекса в Гнёздово и близкого к летописцу похода Владимира Святославича на Полоцк может говорить о том, что соседство варягов могло быть не мирным, почему и могли происходить (и, вероятно, возникали) войны – за подконтрольные владения и сферы влияния (точных данных не имеется), в которых удачливее всего оказывались киевские князья (могла ли Ладога в таких спорах фигурировать?).

Когда появляются более надежные свидетельства около середины X в. держава русских киевских князей предстает огромным конгломератом территорий с разноликим населением. Ни о каком государстве не может идти и речи. Все держится на военной силе, возможно, умеренной силе, на соблюдении обоюдных интересов – киевской военно-политической элиты и элит местных групп. Думается, главную роль в таких отношениях играла торговля – кто держал торговый путь в тот же Константинополь за шелком, тот и виделся могучим правителем, с которым стоило держать отношения, платя дань, поставляя рабов, взамен получая шелк, золото и что-либо иное, так сказать, «объекты престижа». Дружина со временем превращается в замкнутую корпорацию (становится «старшей дружиной»), что еще раз показывает малочисленность руси, ее элитарность, поэтому русская государственность и русский народ формировались медленно и во многом благодаря иным факторам, нежели узко-военным и политическим. Однако важно отметить, не умаляя роли русов, объединение на каких бы ни было началах такого огромного пространства, требовало недюжинных способностей по их удержанию и защите от сторонних посягательств. Начиная со времен правления Святослава не видно никаких конкурентов-агрессоров, решившихся отобрать большой и лакомый кусок русских территорий. Напротив, Святослав и его потомки совершают походы на Восток и на Юг, увеличивая известность Руси и ее территорию. Не будь таких полководцев и отменных воинов, о жителях будущей Руси еще долго не было бы достоверных известий.

Сомнения в правомерности употребления термина «древнерусское государство»

Далее, используя свои наработки (некоторое обобщение историко-археологического материала) в области политогенеза, приведу важные признаки начала государства: а) разделение труда и разветвление внутримастеровых специализаций, б) социальное расслоение, в) стационарные поселения, которые можно назвать городами (наличествуют: торговая площадь, политический аппарат управления, суд с письменным законодательством, серьезная ремесленная прослойка и достаточно объемное ремесленное производство, т.е. мастерских должно быть десятки); «город» можно заменить на следующие «основы»: политический аппарат управления с судом и письменным законодательством, в последнем случае, очевидно, наличие письменности. Если все перечисленное применить к истории Руси, то о государственности можно говорить не раньше правления в Киеве Ярослава Мудрого (т.н. «Русская Правда»). В это время мы видим первые ростки государственности, хотя единого государства на Руси не было. Даже при пятнадцати годах единоличного правления Ярослава его власть довольно ограничена и поверхностна. Его сыновья управляют на местах, а, как видно по полоцким князьям, они номинально подчинялись князю. Политического аппарата управления как такового не было на такой огромной территории. Да и сложно ожидать управления, когда крестьяне постоянно меняют место жительства при том уровне развития агрокультуры. Сыновья слушаются отца, но в своих владениях сами себе хозяева. Затем, по смерти Ярослава, братья должны были слушаться «старшего», но снова у себя дома были хозяевами. У первых достоверно известных русских князей вся власть уходит на то, чтобы через сбор дани организовать хоть какой-то контроль над зависимыми территориями.

Появлению государственности русские, скорее, обязаны византийцам и болгарам — в первую очередь, за счет получения письменности, что давало развитие политическому аппарату управления, кодификации законов и т.д. Хотя и трудно себе представить, как принятие непонятно кем и на какой территории письменности без политической составляющей и славного воинства (для поддержания порядка) способствовало возникающей русской государственности. Снова мы видим синтез и симбиоз. Образно можно сказать: как рука создает движением воронку, так и первые русские киевские князья с дружиной создали предпосылки для собирания различных элементов в один крутящийся поток, получивший наименование «Русь» с населяющими ее «русскими» жителями. Фактически первые русы и первые русские киевские князья явились движущей и организующей силой. Без них было бы что-то другое... тут начинается область альтернативной истории.

С городами на Руси до X века было достаточно скромно. При уровне тогдашнего сельского хозяйства, в достаточно суровых климатических условиях, далеко от центров богатых и развитых государств, сложно что-то быстро создавать (учитывая разобщенность славян, их малочисленность). Контроль над речными и торговыми путями одной династии давал большие возможности местным локальным элитам иметь постоянный доступ к товарам престижного потребления, что ускоряло процессы расслоения общества (как в социальном, так и в имущественном отношении), у кого-нибудь рано или поздно появлялась мысль: почему бы самим не приглашать мастеров, соответственно, появлялись бы свои купцы, своя военная

прослойка... появлялись бы новые города... и так далее по принципу домино.

Связь с Византией и южными славянами в значительной мере повлияла на Русь в культурном плане. Видимо, здесь нужно признать за основу будущего древнерусского государства политическую стабильность и безопасность со стороны внешних врагов. На данный каркас наслаивалось остальное. Русская киевская династия дала толчок быстрому развитию ранее разрозненных славянских и неславянских территорий... стала неким катализатором... после чего началось постепенное ускорение развития русских территорий...

В качестве итога обозначу следующие тезисы: а) никакого унижения русского народа в призвании Рюрика и варягов нет, поскольку отсутствует сам предмет дискуссии; б) само призвание Рюрика многими историками считается легендарным, ненадежным, соответственно, «варяжский вопрос», о происхождении слова «русь», надо решать отдельно; в) о древнерусском государстве проблематично говорить за отсутствием оно, государство строилось медленно и в политическом смысле оказывалось слишком рыхлым, чтобы появился единый экономический, политический и военный центр для управления внутренними территориями, для организации внешней экспансии и для отражения внешних врагов, каковыми, например, стали монголы.

[1] Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб, 2009. С. 69.

[2] Напр. Сойер. П. Эпоха викингов. СПб., 2006. С.10.

[3] См. Константин Багрянородный. Об управлении империей, М., 1989, гл. 9 и к ней примечания.

[4] Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М., 2001. С. 40 – 41.

[5] См. подробнее: Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. Раздел I, глава 1, раздел II, глава 4.

[6] См. дополнительно к книге Б.М. Клосса (указ. соч.): Назаренко А.В. «Новороссия», «Великороссия» и «Вся Русь» в XII в.: церковные истоки этнополитической терминологии. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 246 – 283; Соловьев А.В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24 – 38.

[7] По проблематике см., напр.: Котышев Д. М. Русская земля в первой половине XII века: из наблюдений над текстом Ипатьевской летописи за 1110-1150 годы // Вестник Удмуртского университета. 2006. № 7. С. 26 – 41; Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI – XIII вв.). М., 1980. С. 219 – 241.

[8] Интересны замечания византийца Иоанна Цеца, передающего приветствия на разных ему известных языках в числе которых оказывается приветствие на языке росов: ««здра[сьте], брате, сестрица, добрый день». Бибииков М.И. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 2001. С. 128.

[9] Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.1989. С.45; и см. комментарии к главе, там же версии о локализации города с указанием соответствующей литературы.

[10] Толочко А.П. Очерки начальной Руси. – Лаурис, 2015. С.264 – 282.